
Глава VI
ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО

Противоположности тождественны.

Гегель

1812 год. В то время как в тихом Нюрнберге набиралась и печаталась гегелевская «Логика», на востоке Европы бушевало пламя новой войны. 24 июня французы перешли русскую границу. Наполеон собрал под своими знаменами небывалую по численности разношерстную армию — 600 тысяч солдат — французов, немцев, поляков, итальянцев. В поход отправился и брат Гегеля Георг Людвиг, вюртембергский офицер. Философ следил за ходом кампании по газетам. Русские отступали. Пал Витебск. Пал Смоленск. Где-то перед Москвой разыгралось кровопролитное сражение: официальные реляции сообщали о победе, на днях ожидается капитуляция. Наполеон вступил в Москву, война была выиграна. Но она все еще шла. Происходило что-то непонятное: в аналогичных ситуациях европейские державы просили мира, русские же продолжали сражаться. И вдруг пришло известие, которому нельзя было верить: великая армия отходит, неся большие потери. То, что за этим последовало, оказалось катастрофой: армия растаяла, император бросил ее остатки и отбыл в Париж, набирать рекрутов. Покинув разбитые войска, он обронил знаменитую фразу: «От великого до смешного только один шаг». Георг Людвиг домой не вернулся.

Поражение Бонапарта всколыхнуло немецкую нацию. Пруссия и Австрия порвали с Францией. В трехдневной «битве народов» под Лейпцигом на сторону коалиции перешла саксонская армия. Французские войска быстро очищали завоеванные земли. Немецкий народ переживал патриотический подъем.

Гегель, однако, по-прежнему верен своим убеждениям и привязанностям. С горечью следит он за неудачами Наполе-

она. У всех на устах слово «освобождение», у Гегеля оно вызывает ироническую усмешку; «освободительные бестии» — других слов для немецких добровольцев и их союзников он не находит. Сын Нитхаммера, гимназист, пошел волонтером в армию — Гегель недоволен. Немецкие добровольцы, уверяет он, ведут себя неподобающим образом — пьянствуют, грабят. Неодобрительно отзывается Гегель и о русских солдатах, рассказывая о них всякие небывлицы, хотя с русскими ему не довелось вплотную столкнуться. Обокрал его австрийский солдат¹.

В апреле 1814 года Наполеон отрекся от престола. Реакцию Гегеля на это событие мы находим в письме к Нитхаммеру: «Великие дела свершились. Чудовищная драма — видеть, как гибнет небывалый гений. Самое трагическое, что только бывает. Вся масса посредственности своей абсолютной свинцовой тяжестью давит тупо и неумолимо, пока все высокое не окажется на одном уровне с той массой и ниже ее. И поворотный момент целого, причина могущества этой массы, почему она, как хор, остается последней на сцене, на поверхности, в том, что великая индивидуальность сама должна предоставить ей право на это и обречь себя на гибель»². Гегель удручен, но не в отчаянии. Он даже гордится тем, что весь ход событий будто бы был предсказан в «Феноменологии духа», где речь идет о неизбежной замене абсолютной свободы, порожденной французской революцией, новой формой морального духа. Кроме того, философ находит утешение в житейских радостях. За цитатой из «Феноменологии» в письме следуют слова: «Из тех благодатных потоков, которые должны следовать за великими событиями, как ливень за грозой, уже для нас вкусно и весело течет коричневый ручеек из кофейника, поскольку мы теперь не обязаны тянуть суррогатное пойло и на референтные доходы можем приобретать настоящий яванский кофе. Пусть Бог и хорошие друзья подольше сохранят его за нами». В конце 1813 года Гегель получил прибавку — 300 флоринов: по совместительству он был назначен референтом по делам школ городского комиссариата в Нюрнберге. Отсюда и настоящий кофе взамен эрзаца. А впереди маячит профессорская должность в университете. И начатое в трагических тонах письмо заканчивается оптимистически: «Пусть Эрланген будет возможным выходом для меня из похмелья в больших и малых делах современности»³. Действительно, от великого до смешного один шаг.

Эрланген, Гейдельберг, Йена, Берлин. Названия этих университетских городов все время мелькают в переписке

Гегеля. В течение нескольких лет он безуспешно добивается профессуры. Одно время он размышляет даже над предложением своего голландского ученика ван Герта занять преподавательское место в Амстердаме и читать лекции по-латыни. Затем у него рождается идея предложить себя в качестве профессора филологии: такая вакансия открылась в Эрлангене, однако Гегель не находит ни понимания, ни поддержки у баварских властей. Гегель уже известен как маститый ученый, но приглашению в университет мешает дурная слава косноязычного лектора, укрепившаяся за ним со времени его работы в Йене. В 1816 году Йенскому университету как раз нужен философ, туда зовут Шеллинга, который, однако, отказывается от этого места. Гегель не сомневался, что так именно и случится: «Ему хорошо и в Мюнхене: получает высокий оклад и почти ничего не делает». О Гегеле в Йене никто не вспоминает, и он знает почему. В письмах к друзьям он не устает подчеркивать, что теперь у него за плечами успешный опыт работы в гимназии, где приходится иметь непосредственный контакт с учащимися, что он давно уже не читает свои лекции по бумажке, а свободно и четко излагает материал.

В начале мая Гегель узнает, что в Йену на выгодных условиях переходит работать его соперник Фриз. Раз так, значит освобождается место в Гейдельберге. Но за него нужно бороться. Немедленно отправляет он письмо гейдельбергскому богослову Паулюсу, в котором почти дословно повторяет то, что перед этим писал в Йену Фромману: «В Йене после первых моих опытов в чтении лекций осталось в отношении меня предубеждение по поводу свободы и ясности изложения. И верно: тогда я еще был очень привязан к тексту записей, но восьмилетняя практика преподавания в гимназии способствовала, по меньшей мере, обретению свободы речи, для чего, наверное, нет условий лучше, чем здесь; для обретения ясности это столь же подходящее средство»⁴. В конце письма следуют приветия гейдельбержцам, которые знают Гегеля, в том числе и Фризу в ответ на поклон, переданный через общего знакомого.

(Это последний обмен любезностями; бывшие соперники становятся открытыми врагами. В 1811 году вышла «Система логики» Фриза. Гегель в своей «Науке логики» дал ей убийственную оценку: «Крайняя поверхностность лежащего в основе этой “Системы логики” представления или мнения самого по себе, а равно и его разработки избавляет меня от труда в какой бы то ни было мере считаться с этим лишенным всякого значения сочинением». Фриз ответил отрица-

тельной рецензией на «Науку логики», также не поскупившись на резкие слова.)

Ответ Паулюса приходит через месяц: Фриз, действительно, покинет Гейдельберг, но не раньше осени, решения факультета пока нет. Паулюс просил Гегеля прислать два письма: одно официальное — о том, что он прослышан о возникающей вакансии и заинтересован в ней, в другом — приватном — сообщить точные сведения о своих доходах.

Гегель поступил так, как от него требовалось. 13 июня он написал Паулюсу два письма. Одно, выдержанное в официальных тонах, было предназначено для ознакомления с ним лиц, от которых зависела судьба профессорской вакансии в Гейдельберге. Другое доверительно сообщало о заработках Гегеля: директорский оклад — 1050 флоринов, референтство в городском комиссариате — 300, бесплатная квартира — 150, за работу в комиссии по проверке учителей — 60. Итого 1560 флоринов.

Теперь оставалось только ждать. Прошла вторая половина июня, неделя за неделей проходил июль. Вестей из Гейдельберга не было. В конце месяца Гегель принимал необычного гостя — берлинского историка барона фон Раумера. Проездом из Карлсбада он выполнял поручение министра внутренних дел Пруссии Шукмана. Дело касалось кафедры философии Берлинского университета, вакантной уже два года после кончины Фихте. В начале 1816 года сенат университета большинством голосов принял решение пригласить Гегеля на должность профессора теоретической философии. В докладе сената министру внутренних дел, в ведении которого находился университет, содержалась весьма лестная характеристика Гегеля, он был назван великим философом, равному которому нет в Германии. Но у Гегеля в Берлине были и свои противники. Декан богословского факультета профессор де Ветте, друг Фриза, параллельно с решением сената направил Шукману свое письмо, в котором изображал Гегеля шеллингианцем (министр был последователем Канта и терпеть не мог новейшей натурфилософии), а главное — упирал на то, что манера преподавания Гегеля не отвечает возросшим требованиям высшей школы: говорит он неуверенно и непонятно. Да и ректор Берлинского университета Шлейермахер, тоже противник гегелевской философии, не спешил с решением вопроса. Лишь в июле министр Шукман, лечившийся в Карлсбаде, поручил Раумеру посетить Гегеля и выяснить вопрос на месте. У Раумера сложилось о лекторе нюрнбергской гимназии благо-

приятное впечатление. «О его философии в целом я не имею права судить, — докладывал он Шукману, — точно так же и о том, как он читает лекции. Разговаривает же он свободно и понятно, поэтому я не могу поверить, что речь его с кафедры будет иной»⁵.

Раумер попросил Гегеля представить записку о целях и методах университетского преподавания философии. Гегель понимал, что этот документ будет иметь определяющее значение при решении вопроса о приглашении его в Берлин. Из Гейдельберга по-прежнему ничего не было, и он незамедлительно принялся за составление записки.

Главная задача, писал Гегель, которую надлежит ныне решить философу, состоит в систематизации своей науки. Открыты новые пути для теоретического мышления, но последнее по-прежнему не видит себя в качестве некоего целого. Подчас научность подменяется художественной фантазией или скепсисом, Гегель отвергает и то и другое. Он противник всякого оригинальничания; «новое не истинно, и истина не нова» — в этом он глубоко убежден. Главное — система, методический подход к материалу, охватывающий и упорядочивающий основные детали. Что касается практического значения философии, то оно состоит не в назидании и не в утешении, а в оправдании всего того, что наделено смыслом.

Записка понравилась министру. Не успел он ее обдумать, как ему было представлено новое послание, преследовавшее все ту же цель: ускорить вызов Гегеля в Берлин. На этот раз писал другой историк — Нибур. В начале августа он побывал в Нюрнберге и счел своим долгом навестить знаменитого философа. Поручений у него не было, беседа носила личный и откровенный характер. Гегель жаловался, что работа в гимназии ему больше нелегко, он примет любое первое предложение перейти в университет, каковое он, кстати, ждет не только из Берлина. Нибур советовал Шукману не медлить более.

На следующий день после того, как новый берлинский гость покинул Нюрнберг, 5 августа 1816 года, Гегель наконец получил долгожданное письмо из Гейдельберга. Проректор университета Дауб официально предлагал занять вакантное место ординарного профессора. «Если Вы примете наше предложение, Гейдельберг впервые с момента своего основания получит настоящего философа. Как Вы, наверно, знаете, сюда в свое время звали Спинозу, но он отказался приехать». Что же касается материальной стороны дела, то оклад гейдельбергского профессора составляет 1300 флори-

нов деньгами и натурой — 6 мальтеров* ржи и 9 мальтеров полбы. Гегель тут же откликнулся. 6 августа почта увозила его ответ: он принимал предложение («из любви к академической деятельности»), но напоминал, что его оклад составляет 1560 флоринов, просил обеспечить хотя бы бесплатную квартиру; между прочим сообщал о готовящемся вызове его в Берлин.

Действительно, доклад Раумера, записка Гегеля, письмо Нибура возымели свое действие. В середине августа из прусского министерства внутренних дел исходит наконец депеша, подписанная министром. Шукман сообщал Гегелю, что ему стало известным желание философа занять вакантное место в Берлине. Учитывая научные заслуги Гегеля, министерство готово рассмотреть его кандидатуру. Но для обоюдной пользы предварительно надлежит самому Гегелю решить один щепетильный вопрос. Не секрет, что философ в течение ряда лет был оторван от академической деятельности, а его прошлый опыт носил столь кратковременный характер, что у некоторых возникают сомнения относительно способности Гегеля донести до слушателей в живой и доступной форме свою науку. Послание Шукмана было рассчитано на то, чтобы удовлетворить и тех, кто добивался приглашения Гегеля в Берлин, и тех, кто этому противился⁶.

При других обстоятельствах Гегель не стал бы чиниться и быстро сообщил бы о своих достижениях на педагогическом поприще. Теперь же, когда в кармане лежал вызов в Гейдельберг, он мог не спешить. Тем более что еще до получения министерской депеши из Берлина он получил второе письмо от Дауба. Правительство великого герцога Баденского, во владениях которого лежал Гейдельберг, одобрило кандидатуру Гегеля. Причем чиновник в столице Бадена Карлсруэ нашел даже средство уладить волновавшую Гегеля проблему жалованья: профессор может компенсировать разницу в окладе путем приобретения продуктов по льготным ценам. По расчету Дауба, для этого было достаточно 10 мальтеров ржи и 20 мальтеров полбы. В Бадене возникли серьезные опасения по поводу переговоров Гегеля с Берлином; видимо поэтому при окончательном решении вопроса об окладе Гегеля без какой-либо дополнительной просьбы с его стороны ему положили в деньгах 1500 флоринов. А когда он потом напомнил университету о натуральной

---

* Мальтер — старинная немецкая мера сыпучих тел и жидкостей. Размеры ее колебались от 1½ до 12½ гектолитра.

оплате, то незамедлительно получил обещанные 10 мальтеров ржи и 20 мальтеров полбы.

Отвечая в Берлин Шукману, Гегель сослался на договоренность, достигнутую с Гейдельбергом. Относительно затронутого в министерской депеше вопроса о его преподавательских способностях Гегель с преувеличенной вежливостью и еле заметной иронией отмечал то глубокое впечатление, которое произвело на него предоставление ему права самому решить этот вопрос.

Итак, открылась наконец долгожданная перспектива. Гегель уже видел себя гейдельбергским профессором философии, но вдруг возникло новое препятствие. Не успел он подать прошение об отставке, как 25 августа правительство Баварии присвоило ему звание профессора «красноречия, поэзии, классической греческой и римской литературы» Эрлангенского университета. В Мюнхене наконец поняли, кого они теряют, и срочными мерами старались удержать Гегеля в Баварии. При этом вспомнили, что в свое время философ готов был взяться за чтение филологических курсов. В Эрланген была направлена директива немедленно прислать вызов Гегелю. Сенат нехотя подчинился. Эрлангенские профессора писали вежливо, но холодно. Столь же холоден был ответ Гегеля, благодарившего за честь, но сообщившего, что он связан уже словом с другим университетом.

В двадцатых числах октября Гегель покинул Нюрнберг. 28 октября он читал первую лекцию в Гейдельберге. На зимний семестр были объявлены два его курса: энциклопедия философских наук и история философии. Летом 1817 года Гегель читал логику и метафизику (6 раз в неделю с 11 до 12), антропологию и психологию (5 раз с 5 до 6) и впервые — эстетику (5 раз в неделю с 4 до 5). Поначалу его аудитория состояла из четырех человек, затем к нему на лекции являлись двадцать и тридцать слушателей. На курс логики летом 1817 года записалось семьдесят человек. (Всего в Гейдельберге в это время обучалось 382 студента, из них только 35 филологов и философов.)

К Гегелю относились с почтением, хотя его сосредоточенность и необычная манера держаться были по-прежнему предметом студенческих шуток. Рассказывали, например, будто профессор Гегель однажды так задумался, что простоял на одном месте весь день и всю ночь. А другой раз он шел под дождем, погруженный в свои мысли, оставил в грязи башмак, но не заметил этого и продолжал идти в одном чулке.

У Гегеля появляются ученики, которые не просто усваивают лекционный материал, но начинают преподавать его философию. Таков Хинрихс; увлеченный «Феноменологией духа», он ведет семинар по этой книге. Таков Карове, повторяющий за учителем лекции по философии права.

Фридриху Вильгельму Карове тридцать лет. Он лицензиат права и приехал в Гейдельберг на два года специально заниматься философией. В августе 1818 года Карове становится доктором философии. Гегель пишет развернутый отзыв о достоинствах соискателя, отмечая его глубокий интерес к науке. Латинской диссертации Карове не написал, представив вместо нее опубликованное сочинение о студенческих организациях (Карове был одним из руководящих деятелей Буршеншафта, речь о котором впереди). Некоторым эта работа показалась недостаточно солидной. Гегель согласен, но указывает, что в книге Карове есть другая статья «Честь и поединок», в которой подвергаются критике взгляды Фриза. Для Гегеля больше ничего не нужно. «Я должен признаться, — пишет Гегель, — что, если бы господин профессор Фриз эти свои взгляды в качестве трактата представил факультету для получения докторского диплома, я проголосовал бы против. Философский трактат господина Карове по этому вопросу, напротив, представляется мне вполне достаточным для присуждения ему степени; идеи и их развитие представляют собой произведение не просто образованного человека, но философа, добравшегося до спекулятивных основоположений»⁷.

Интересная фигура среди учеников Гегеля — Борис Икскуль, богатый прибалтийский помещик, ротмистр русской гвардии. После победы над Наполеоном молодой офицер, пресытившийся любовными похождениями, решил заняться своим образованием. Весной 1817 года он приехал в Гейдельберг и немедленно отправился к Гегелю. Ободренный радушным приемом, самоуверенный молодой человек пошел в книжный магазин и купил все вышедшие работы философа. В тот же вечер, устроившись удобно на диване, он стал их читать. Вскоре, однако, заметил, что смысл прочитанного до него не доходит. Чем больше он напрягался, тем меньше понимал. Неудача не обескуражила, гвардеец ходил на лекции Гегеля, но в конце концов вынужден был признаться, что не понимает собственных записей. Тогда он снова отправился к Гегелю, тот внимательно его выслушал и посоветовал приватным образом заниматься алгеброй, естествознанием, географией, латинским языком. Икскуль так и поступил: двадцати шести лет от роду засел он за школь-

ные учебники, и когда через полгода в третий раз пришел к профессору, тот, удовлетворенный знаниями и прилежанием ученика, дал ему уже более конкретные рекомендации по изучению философии.

Икскуль сопровождал Гегеля во время его прогулок. «Часто он говорил, что наше сверхумное время можно успокоить лишь методом, который дисциплинирует мысли и ведет к сути дела. Религия — это предчувствие философии, а философия — осознание религии, обе ищут, хотя и различными путями, одно и то же — Бога. Нельзя доверять философии, если она аморальна или иррелигиозна. Он жаловался, что его не понимают, повторял, что логическое мышление есть нечто целое и каждый должен навести порядок в своей области, так как накоплено огромное количество материала, а логической обработки пока еще нет, что только мрак незрелости, упорство одностороннего рассудка, удручающая пустота мнимой благодати и тупой эгоизм привилегированного мракобесия сопротивляются наступающему дню». Расставаясь, учитель напутствовал ученика словами: «Ваше счастье, что отечество ваше занимает такое выдающееся место во всемирной истории, имея, без сомнения, еще более великое предназначение. Остальные современные государства как будто бы уже более или менее достигли цели своего развития, быть может, кульминационный пункт многих уже позади, и положение их стало статическим. Россия же уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди прочих, в своих недрах заключает небывалые возможности развития своей интенсивной природы»⁸. Впоследствии Икскуль сделал карьеру на русской дипломатической службе. Но где бы он ни находился — от Стокгольма до Каира, — его всегда сопровождала «Наука логики».

Из гейдельбергских знакомств достойно упоминания еще одно — с Жаном Полем Рихтером. Знаменитый романист приехал в Гейдельберг в июле 1817 года и был восторженно встречен профессурой и студентами. Философский факультет присудил ему почетную степень доктора. Гегель в сопровождении филолога Крейцера посетил писателя и вручил ему пергаментный диплом. Жена Гегеля была знакома с Рихтером еще по Нюрнбергу, и теперь он был принят в доме профессора как желанный гость.

В Гейдельберге перед Гегелем открылось широкое поле не только академической, но и литературной деятельности. Редакция «Гейдельбергских литературных ежегодников» предложила ему вести философский раздел. В первых двух выпусках за 1817 год он опубликовал рецензию на третий том

произведений Якоби, а в конце года поместил обстоятельный разбор дебатов в собрании сословных представителей королевства Вюртемберг.

Гегель давно покинул Швабию, но всегда интересовался политическими событиями на родной земле. Умело лавируя между Бонапартом и его противниками, Вюртемберг вышел из наполеоновских войн с территорией, увеличенной вдвое. В соответствии с духом времени король Вюртемберга в марте 1815 года созвал представителей сословий и передал им проект конституции, которая предусматривала создание однопалатного парламента. Это был шаг по пути буржуазного развития страны. В отличие от Бурбонов король Вюртемберга сделал необходимые выводы. Но тут случилось непредвиденное: представители сословий отклонили проект конституции и потребовали восстановления «доброе старого права», то есть феодальных порядков, существовавших в старом Вюртемберге до 1806 года, и распространения их на новые земли. Так возник спор о конституции, закончившийся лишь в 1819 году, уже после смерти короля Фридриха I.

Гегель внимательно следил за перипетиями спора и после опубликования отчетов сословного собрания дал подробный разбор его деятельности. Он писал для широкого читательского круга, поэтому на этот раз позаботился о ясности изложения, его слог снова обрел простоту и эмоциональную окраску, давно исчезнувшую из его трудов.

Гегель критиковал позиции сословных представителей, стремившихся возродить ушедшие в прошлое феодальные отношения. Он сравнивал эту позицию с поведением помещика, в имении которого произошло наводнение, покрывшее песчаную почву плодородным илом, но который не желает хозяйничать на плодородной земле и старается вернуть свой старый песок. «О вюртембергских сословных представителях можно сказать то, что было сказано о французских эмигрантах, вернувшихся на родину, они ничего не забыли и ничему не научились; кажется, что они проспали последние 25 лет, которые были, пожалуй, самыми богатыми во всей всемирной истории и самыми поучительными для нас, поскольку наш мир и наши представления принадлежат этой эпохе. Трудно себе представить более страшные жернова для размалывания ложных понятий о праве и предрассудков о государственном строе, чем суд, учиненный над ними последней четвертью века»⁹. Такие переломные эпохи, писал Гегель, встречаются чрезвычайно редко; и задача политика состоит в том, чтобы полностью освоить «ценный опыт страшного двадцатипятилетия». Вюртембергские сословия

страдают «политической невосприимчивостью», потому философ объясняет им принципы парламентаризма.

Вместе с тем он далек от идеализации буржуазной демократии. Здесь граждане уподобляются изолированным атомам, а собрания избирателей — бесформенным, хаотическим скоплениям; народ в целом растворяется в сборище отдельных людей. По Гегелю, возраст и имущественное положение не характеризуют общественное лицо индивида, свое значение человек обретает лишь в силу служебного положения, сословной принадлежности и признанного обществом профессионального умения, что отмечается званием или титулом. Феодальный произвол должен уступить место разумному, организованному этатизму. Государство — носитель социальной общности. Эти идеи нам уже знакомы, они достигнут своей кульминации в «Философии права».

Рассмотрение конкретных исторических событий и их политического смысла приводят Гегеля к некоторым общетеоретическим выводам по поводу того, как надо подходить к анализу исторического процесса. «Еще недавно в пользувавшейся распространением психологической исторической концепции выдвигались на первый план так называемые тайные пружины, цели отдельных индивидуумов, анекдоты и субъективные влияния. Однако эта точка зрения потеряла теперь всякий кредит, и история в соответствии с ее назначением стремится изображать природу и развитие субстанционального целого»¹⁰.

Так у Гегеля возникает идея исторической необходимости, прокладывающей себе дорогу через массу противоборствующих случайностей. Уже после поражения Наполеона он убедился, что никакие военные победы не могут повернуть историю вспять. Торжество реакции бессильно остановить поступательное движение человечества. Об этом он писал еще в 1816 году из Нюрнберга Нитхаммеру: «Мировой дух скомандовал времени вперед. Этой команде противятся, но целое движется неодолимо и неприметно для глаза как сомкнутая бронированная фаланга, как солнце — несмотря ни на что. Бесчисленные легкие отряды бьются где-то на флангах, выступая кто “за”, кто “против”, большая часть их вообще не подозревает, в чем дело, и лишь получает по голове незримой дланью. И ничто не поможет им... Самая чудовищная реакция, которую мы только видели, реакция против Бонапарта, так ли уж много переменяла она в самом существе, в добре и зле, особенно если пройти мимо ужимок и мизерных успехов муравьиных, клопных и блошиных личностей. На все эти клопные личности можно смо-

треть только как на предмет шуток, сарказма и злорадства, для чего их и создал Господь Бог»¹¹. Размышления над политическими событиями подготавливали почву для возникновения в будущем последовательной философско-исторической концепции. Пока она только в зародыше.

Основное произведение гейдельбергского периода — «Энциклопедия философских наук», увидевшая свет летом 1817 года. Эта работа впервые воплотила всю систему гегелевской философии. При жизни философа она была издана еще два раза, и, хотя позднейший текст коренным образом отличается от первоначального, основные идеи и структура остались неизменными; количество параграфов увеличилось незначительно, они лишь обросли подробнейшими комментариями.

Первая часть книги посвящена логике. Здесь изложены в сжатом виде идеи, подробно рассмотренные в «Науке логики» и уже известные нам. Вторая часть системы — философия природы, третья — философия духа.

Гегелевская философия природы оставляет двойственное впечатление: в ней в равной мере представлены и достижения опытного знания и плоды собственных раздумий, где гениальные догадки перемешаны с досужими вымыслами. Подчас одно трудно отделить от другого. Много лет спустя известный химик и вольнодумец Оствальд острил по поводу подобного рода подхода к изучению природы. Как, спрашивал он, будут вести себя англичанин, француз и немец, если им предложат описать свойства верблюда. Англичанин отправится в Африку, застрелит животное, отдаст набить из него чучело, которое затем выставит в музей. Француз пойдет в Булонский лес и, не обнаружив там верблюда, усомнится в его существовании. Немец же запрется в кабинете и будет конструировать свойства верблюда из глубины своего духа.

Когда читаешь некоторые страницы «Энциклопедии», невольно приходит на ум эта шутка. И дело не в отдельных промахах Гегеля, не в звучащих порой, как анекдот, высказываниях, а в принципе, в третировании опытного знания, в твердом убеждении, что философская спекуляция дает ключ к решению всех проблем. Теория безгрешна; если факты ей не соответствуют, тем хуже для фактов.

Идеализм Гегеля выступает на передний план при дальнейшим движении его мысли, созидающей систему науки. Ведь по замыслу философа вторая часть системы — философия природы следует за логикой. Надо ли понимать переход логической идеи в свое небытие, в природу как сотворение

мира? И да и нет. «Почему Бог определил сам себя сотворить мир?»¹² — спрашивает философ в «Энциклопедии философских наук». А с другой стороны, Гегель так запутывает вопрос о «сотворении природы», что ни один ортодоксальный теолог не согласился бы с его взглядами. Логическое развитие идей у Гегеля предшествует природе не во времени. Категория времени проявляется лишь в природе, а развитие во времени идея совершает только на ступени «духа», то есть в жизни человека и общества.

Природа для Гегеля — инобытие идеи, «окаменевший дух». Поэтому нельзя ни обожествлять природу, ни ставить ее произведение выше человеческих свершений. В природе ее производно видна система последовательных ступеней, высшая из которых — жизнь. Однако Гегель называет «неуклюжим» эволюционистский взгляд: естественные формы не знают развития. Равным образом он отвергает и телеологическое рассмотрение природы, при котором каждое ее творение оценивается с точки зрения полезности для человека.

Философия природы Гегеля состоит из трех частей: механики, физики и органики. Основными проблемами механики являются пространство и время. В основе этих категорий содержится противоречие — тождество прерывности и непрерывности. Исчезновение и воспроизведение пространства во времени и времени в пространстве есть движение, реальную форму которого представляет материя. Гегель справедливо не приемлет взгляда Ньютона, согласно которому пространство и время сами по себе пусты и лишь извне заполнены материей.

Глава, посвященная физике, начинается с рассмотрения природы света как простейшей материи. Здесь Гегель снова ополчается против Ньютона. Он уверяет, что учение о разложении света ошибочно: «Каждый знает, что цвет темнее света»; философ при этом ссылается на Гёте, по мнению которого белый свет нерасторжим, а цвета возникают от различных его комбинаций с темнотой. Свет абстрактен, и поэтому не связан непосредственно с теплотой. «Теплота не является свойством солнечного света как такового, а солнечный свет согревает, лишь соприкасаясь с землей, сам по себе он холоден, как это показывают высокие горы и подъемы на аэростатах»¹³.

От оптики Гегель переходит к небесной механике. К чести философа, надо отметить, что он отказался от тех произвольных утверждений, которые содержались в его габилюационной работе, где он пытался обнаружить закономерность

в расстояниях планет от Солнца. Такая закономерность, говорит теперь он, еще не найдена. «То, что я писал по этому поводу в ранней диссертации, теперь меня не может удовлетворить». Единственный случай, когда Гегель признает допущенную ошибку! (Эта поправка есть только в первом издании «Энциклопедии».)¹⁴

Следующая проблема — «элементы», точнее «стихии». Таковых, по мнению философа, четыре: воздух, огонь, вода, земля. В «стихиях» материя обретает индивидуальную структуру, и соответствующий раздел науки Гегель называет «индивидуальной физикой». Простейший способ различия тел — удельный вес. Поскольку Гегель не признает существования пустоты, он не соглашается и с объяснением удельного веса различной плотностью вещества. Он на стороне Канта, согласно которому дело не в количестве частиц, заполняющих тот или иной объем, а в их напряженности, в динамической силе. Атомистику Гегель отвергает.

Высшая ступень «индивидуализации» неорганического вещества — химическая реакция. В химии Гегелю принадлежат две замечательные догадки: он высказал предположение о связи химических реакций с явлениями электричества и магнетизма и предсказал периодическую систему элементов. Еще в «Науке логики» он писал: «Следовало бы поставить себе задачу познать показатели отношений ряда удельных тяжестей как некоторую систему, вытекающую из правила, которое специфизировало бы чисто арифметическую множественность в ряд гармонических узлов. Такое же требование должно было быть поставлено и познанию указанных выше рядов химического сродства»¹⁵.

Философ смотрит на природу как на систему, но ни за что не желает привести эту систему в движение. Великий диалектик закрывает глаза на самое убедительное подтверждение диалектики, отвергает естественное происхождение жизни. В первом издании «Энциклопедии» Гегель абсолютно категоричен в этом отношении, в последующих он идет на небольшие уступки: признает самозарождение «точечной и скоропреходящей жизненности». Животный организм характеризуется чувствительностью, раздражимостью, самовоспроизведением. Эти признаки реализуются в трех системах: нервной, кровообращения и питания. В составе крови Гегель отрицает существование красных телец. Если вылить кровь в воду, она скатывается в шарики; но кровь сама по себе, живая кровь, не свертывается. Кровяные шарики появляются таким образом только при умирании крови, когда она соприкасается с атмосферой. Стало быть, их устойчивое

существование есть фикция подобно атомистике. Организм живет в тесной связи с неорганической природой. Разрыв этой связи проявляется как чувство недостатка, как потребность. Деятельность организма есть постоянная борьба за удовлетворение потребностей, в этой борьбе животное руководствуется чувством¹⁶. Это предел, выход за который переносит в сферу духа.

Достигнув ступени духа, идея приступает к самопознанию. Философия духа включает в себя учение о субъективном, объективном и абсолютном духе. Нам эта терминология уже знакома по «Феноменологии духа». Речь идет об индивидуальном сознании, деятельности общества и формах общественного сознания.

Учение о субъективном духе распадается на антропологию, феноменологию и психологию. Антропология изучает «душу», то есть ту часть духовной деятельности человека, которая непосредственно связана с его телесностью. Гегель говорит о природной детерминации психики и в качестве примера приводит расовые и национальные различия. Разумеется, он против расизма: человек разумен как таковой, в этом заключается возможность равноправия всех людей. Но своеобразие духовного облика народов — факт неоспоримый. Итальянцы непосредственны, их дух безудержно изливается в «телесность», отсюда отчаянная жестикуляция; частные интересы преобладают над общими, поэтому политическое право не смогло развиваться до прочной разумной формы. У испанцев мы точно так же встречаем преобладание индивидуальности, однако последняя приобретает форму всеобщности, понятие о чести выступает в качестве определяющего принципа поведения. Итальянец живет под впечатлением момента, в сфере ощущений, испанец обладает твердыми представлениями и с фанатическим усердием придерживается буквы католического учения. Французы обнаруживают твердость рассудка, живость остроумия, тщеславие и стремление нравиться; благодаря этому они достигли высшей тонкости светского обращения. Как по отношению к отдельному человеку, так и по отношению к обществу, французы всегда во всех своих делах и поступках проявляют величайшую внимательность. Однако это уважение к чужому мнению нередко вырождается у них в стремление нравиться во что бы то ни стало, даже ценой истины. Англичан можно назвать народом интеллектуальной интуиции: они познают разумное в форме не столько всеобщего, сколько единичного; поэтому их поэты выше их философов. На первом плане у англичан — оригинальность личности, возника-

ющая из мысли и воли; индивид старается опираться преимущественно на самого себя и только посредством собственного своеобразия устанавливать отношение к другим. Национальная гордость англичан покоится на сознании, что в их стране человек может полностью осуществить свою неповторимость.

Наконец, немцы. Это глубокие, подчас неясные, но всегда систематические мыслители. Прежде чем действовать, немец должен определить принципы, именно поэтому он не может принять немедленное решение. Поступок совершается только на законных основаниях. Но так как основания можно найти решительно для всего, то в результате возникает пустой формализм, в котором произвольное содержание подменяет идею права. В течение столетий немцы довольствовались тем, что свои политические права сохраняли исключительно посредством протестов. Немцы всегда придерживаются мнения, что должность и титул создают человека, только так они определяют значительность личности и подобающую ей меру уважения. К своим соотечественникам мыслитель относился в достаточной степени критично.

Природную зависимость духовной деятельности человека Гегель прослеживает также на различиях возраста и пола, на механизме ощущений и аффектов, болезненных отклонениях психики. В истолковании всех этих явлений Гегель остается верен своим исходным принципам: душа для него есть нечто всепроникающее, а не что-то существующее в отдельном индивиде. Ибо она должна быть понимаема как истина, как идеальность всего материального.

Но душа только сон духа. Он просыпается в сознании, изучение которого составляет предмет феноменологии. В работе 1807 года, как мы уже знаем, Гегель предельно широко трактовал эту дисциплину, которой хотел начать свою философскую систему. Теперь он строго ограничил ее рамки и определил ей другое место. Феноменология рассматривает сознание как таковое, самосознание и разум. Сначала человек смотрит на себя как на нечто противостоящее объекту. На следующей ступени человек познает самого себя, приходя к этому через другое сознание, изучает свою личность через личность другого. На ступени разума человек раскрывает свое тождество с духовной субстанцией мира, «распредмечивает» объективный мир.

В психологии предметом изучения являются формы знания и деятельности человека, взятые в отрыве от содержания. Это восприятие, представление и мышление («теоретический дух»), чувства и воля («практический дух»). Содержани-

ем они наполняются в сфере объективного и абсолютного духа — в праве и нравственности, в искусстве, религии, философии, о которых речь идет впереди.

Такова схема системы, уже окончательно сложившейся. В последующие годы Гегель наполняет ее идеями и фактами, подробно разрабатывает различные ее разделы, но изменений в структуре она не претерпевает.

* * *

В конце 1817 года вновь встал вопрос о приглашении Гегеля в Берлинский университет. Прусское министерство внутренних дел разукрупнилось. Возникшее министерство по делам вероисповеданий, которое ведало вопросами религии, здравоохранения и просвещения, возглавил барон фон Альтенштейн, глубоко убежденный в государственном значении гегелевской философии. Едва заняв высокий пост, Альтенштейн написал личное письмо Гегелю, без обиняков предложил ему оклад в 2000 прусских талеров, что равнялось примерно 3500 флоринов, то есть больше чем в два раза превосходило жалованье философа в Гейдельберге. Письмо прибыло в начале января 1818 года. Две с половиной недели ушли на размышления. Берлин — центр немецкого Просвещения: здесь Академия наук, театры, музеи, библиотеки; здесь, в столице одного из наиболее крупных немецких государств, можно получить многочисленную и подготовленную аудиторию; здесь живет еще память о Фихте, и статья его преемником почетно. 24 января Гегель ответил согласием. Вместе с тем его интересовали некоторые детали. Как обстоит дело с дополнительной натуральной оплатой (рожь и полба)? Будет ли бесплатная квартира? Получит ли семья после его кончины пенсию? Гегель напомнил, что в Гейдельберге он только что обзавелся хозяйством, а в Берлине ему придется все устраивать заново, поэтому просил в качестве подъемных не только реально истраченную на переезд сумму, а нечто большее — 200 фридрихсдоров. И последняя просьба — освободить от пошлины ввоз имущества в Пруссию.

Ответ поступил из министерства. Официально сообщалось, что 12 марта король Пруссии подписал указ о назначении Гегеля ординарным профессором философии Берлинского университета. В качестве подъемных полагается — 1000 талеров, сумма меньшая, чем запросил профессор, но разница будет возмещена тем, что жалованье он станет получать с более раннего срока, чем приступит к работе. Пен-

сионная касса для вдов в Берлинском университете функционирует нормально. Пошлины, разумеется, не будет, нужно лишь своевременно дать сведения о количестве мест багажа. Бесплатные квартиры в Берлине преподавателям университета не предоставляются. Оклад профессора Гегеля будет достаточно велик, чтобы он смог устроиться надлежащим образом. Если возникнут трудности, то министерство примет все меры для улучшения жизненных условий столь прославленного ученого. Относительно натуральной оплаты в министерской депеше ничего не говорилось, но это молчание было достаточно красноречивым. Берлинский университет существовал лишь восемь лет, и здесь не знали средневековых нравов, державшихся еще в захолустье. Гегель больше не вспоминал ни о ржи, ни о полбе. Тем более что Альтенштейн посулил ему нечто большее — избрание в Прусскую академию наук. Гегеля спрашивали, когда он сможет приступить к чтению лекций. Он ответил: в конце октября. Тогда ему сообщили, что жалованье будет начисляться с 1 июля.

Сборы в дорогу заняли свыше трех недель. Багаж отправляли заблаговременно по частям: в конце августа — два сундука с постельными принадлежностями и домашней утварью, спустя неделю еще три места: два ящика книг и кофр с бельем. Оставшиеся вещи, казалось, войдут в один сундук, поэтому Гегель послал в министерство вероисповеданий реестр на шесть мест с просьбой выдать разрешение на их беспошлинный провоз. Однако непосредственно перед отъездом возникло еще одно, седьмое место; прошение о снятии с него пошлины отправили уже в пути из Франкфурта-на-Майне.

Ехали не спеша. На несколько дней задержались в Йене, воспользовавшись гостеприимством книготорговца Фромана, старого друга, крестного отца внебрачного сына Гегеля — Людвига.

Повидались с Кнебеями; наблюдательный старик заметил у философа нечто новое, ему раньше незнакомое: чувство юмора. В былые времена, когда у Гегеля не хватало аргументов, он становился многословен, теперь же все чаще отшучивался.

Один день посвятили поездке в Веймар, чтобы нанести визит Гёте. Некогда дружественные отношения распались по недоразумению. Гёте неверно истолковал одно место из предисловия к «Феноменологии». (А может быть, ему стало известно письмо Гегеля Шеллингу от 23 февраля 1807 года, где о Гёте говорилось, что «из ненависти к идее он придерживается чистой эмпирии, вместо того... чтобы перейти к

понятию, которое только-только начинает проглядывать»^{17.}) До начала 1813 года Гёте считал себя в ссоре с Гегелем. Затем недоразумение рассеялось. В Нюрнберге Гегель принимал участие в опытах физика Зебека, основывавшихся на гётевской теории цвета. При этом Гегель предложил термин для открытого Зебеком явления — «энтоптические цвета», которым потом широко пользовался Гёте. После выхода в свет «Энциклопедии» профессор Буасре обратил внимание Гёте на те страницы, где автор солидаризировался с «Учением о цвете». Поэт немедленно послал Гегелю привет, а вскоре и небольшую записку с приложением своей новой естественно-научной работы. Философ ответил обстоятельным, витиевато написанным письмом, в котором отмечал заслуги Гёте в изучении природы света и цвета. Теперь они были рады снова увидеть друг друга; огорчала и гостя и хозяина лишь кратковременность их встречи.

24 сентября у Фромана отпраздновали четырехлетие младшего отпрыска — Иммануила. И только тогда двинулись дальше. Дорога из Йены в Берлин заняла четыре дня. Ночевали в Вейсенфельзе, Лейпциге, Виттенберге. 29 сентября наконец прибыли в столицу Пруссии. Нанятая квартира еще не была готова, и лишь через неделю семейство Гегеля водворилось в дом на углу Лейпцигерштрассе и Фридрихштрассе. Впоследствии Гегель перебрался ближе к университету — Ам Купферграбен, 4, где прожил до конца своих дней.